

Александръ I и Восточная политика Россіи ¹⁾.

(Окончаніе).

Въ заключеніемъ Бухарестскаго мира политическое положеніе Россіи значительно упрочилось. Приобрѣтеніе Бессарабіи и обусловленное этимъ господство надъ устьями Дуная, упроченіе русскаго вліянія въ Молдавіи и Валахіи, богатая прибрѣтенія, сдѣланныя Россіей на Кавказѣ, и, наконецъ, признанное этимъ договоромъ за Россіей право покровительствовать христіанскимъ подданнымъ Турціи—все это возбуждало радужныя надежды на будущее, а въ данный моментъ, русское правительство получило возможность употребить для борьбы съ Наполеономъ войска, стоявшія у турецкой границы, но у него не было увѣренности въ томъ, будетъ ли Турція соблюдать строгій нейтралитетъ въ случаѣ, если побѣда склонится на сторону Наполеона. Дѣйствительно, былъ моментъ, когда султанъ, гордость котораго была уязвлена Бухарестскимъ миромъ, былъ готовъ ринуться въ новую войну съ Россіей: осенью 1812 г. французскій посланникъ въ Константинополь, графъ Андреосси, былъ увѣренъ, что война будетъ объявлена и что его цѣль будетъ достигнута, но извѣстіе объ отступленіи Наполеона изъ Москвы разрушило его планы.

Послѣдовавшія за этимъ событія первостепенной важности, окончившіяся паденіемъ Наполеона, преисполнили Порту радостью. Наконецъ палъ человекъ, передъ которымъ она такъ долго трепетала и дальнѣйшіе планы котораго угрожали ея существованію; но ея радость омрачалась возраставшимъ могуществомъ Россіи. Уже

¹⁾ См. „Русская Старина“ мартъ 1909 г.

въ февралѣ мѣсяцѣ 1814 г. распространился въ Константинополь слухъ, что императоръ Александръ ищетъ предлога къ разрыву съ Турціей. Опасенія эти поддерживались извѣстіями, что Россія возводила укрѣпленія въ Бессарабіи и держала усиленные гарнизоны въ тѣхъ городахъ Азіи, которые Турція все еще у нея оспаривала. Опасенія Порты оказались въ данномъ случаѣ неосновательны; Россія не желала въ то время войны съ Турціей, которая была бы для нея обременительна; она только хотѣла упрочить за собою пріобрѣтенія, доставшіяся ей по Бухарестскому миру.

Нѣкоторымъ утѣшеніемъ для Турціи въ этихъ обстоятельствахъ служило отношеніе въ ней Австріи. Меттернихъ поручилъ австрійскому посланнику передать султану, что онъ и въ умѣ не имѣлъ вмѣсто одной опасности создавать другую и сократить могущество Франціи для того только, чтобы замѣнить его вліяніемъ Россіи, и что онъ болѣе чѣмъ когда-либо смотритъ на Порту, какъ на одинъ изъ существенныхъ элементовъ, необходимыхъ для поддержанія равновѣсія Европы.

Въ тотъ критическій моментъ, когда Наполеонъ бѣжалъ съ острова Эльбы, для союзныхъ державъ было въ высшей степени важно, чтобы Турція не создала имъ затрудненій, поэтому препровождая ей декларацію, подписанную ими 13 марта 1815 г., державы выразили надежду, что Порта раздѣляетъ изложенные въ ней взгляды и присоединяется къ нимъ, т. е. что турецкое правительство не приметъ уполномоченныхъ Наполеона и не допуститъ въ свои воды судовъ, плавающихъ подъ его флагомъ.

Султанъ оправдалъ возложенныя на него надежды. Когда французскій посланникъ Руфинъ поднялъ на зданіи французскаго посольства трехцвѣтный флагъ и велѣлъ прибить вмѣсто королевскаго герба—гербъ Наполеона, было приказано отобрать отъ него стражу, состоявшую изъ семи янычаръ, и удалить гербъ Наполеона. Порта прекратила всякія дѣловыя сношенія съ Руфиномъ и передала всѣ дѣла секретарю посольства Девалю, который остался вѣренъ своимъ роялистскимъ взглядамъ; агентъ Наполеона, Жуберъ, вынужденъ былъ выѣхать изъ Константинополя. Желаніе союзныхъ монарховъ исполнилось, но до чего они боялись, что Порта будетъ дѣйствовать въ иномъ духѣ, видно изъ того, что императоръ Александръ поручилъ своему посланнику, графу Италинскому, передать турецкому министерству отъ его, государя, имени, что хотя его возвращеніе въ Петербургъ и замедлилось вслѣдствіе послѣднихъ чрезвычайныхъ событій, тѣмъ не менѣе Порта должна быть твердо увѣрена, что какъ только обстоятельства дозволятъ ему вернуться въ столицу, онъ тотчасъ озаботится урегулировать вопросъ о границахъ такъ,

что Порты будетъ вполне удовлетворена и не будетъ имѣть ни малѣйшаго повода къ жалобамъ. Обѣщаніе императора, конечно, не было искреннимъ да оно и не достигло цѣли, такъ какъ вслѣдствіе происковъ англійскаго посланника Листона, Порты, два дня спустя послѣ полученія этого обѣщанія, обратилась (20 мая 1815 г.) къ державамъ съ деклараціей, въ которой просила о содѣйствіи „дружественныхъ“ ей державъ, чтобы принудить Россію выполнить принятыя ею на себя обязательства.

Шагъ, сдѣланный Портою, былъ для Россіи не только неприятенъ, но послѣ сдѣланнаго ею заявленія даже оскорбителенъ. Впрочемъ, начавшееся вскорѣ возстаніе въ Сербіи и пораженіе, нанесенное Наполеону при Ватерлоо, заставили Порту понизить тонъ. Боязнь передъ Россіей взяла верхъ надъ всѣми остальными соображеніями, когда, вскорѣ по возвращеніи Александра въ Петербургъ (13 октября), разнесся слухъ, что императоръ готовится къ войнѣ съ Турціей. Прежде всего Порты постаралась уладить дѣла въ Сербіи: Бѣлградскій паша, Сулейманъ, жестокость котораго довела народъ до возстанія, былъ смѣненъ и назначенный на его мѣсто Ибрагимъ-паша удовлетворилъ справедливыя требованія сербовъ на столько, что въ началѣ 1816 г. спокойствіе въ Сербіи было восстановлено и въ Константинополѣ радовались тому, что у Россіи не было болѣе повода вмѣшиваться въ турецкія дѣла, какъ вдругъ одно за другимъ были получены два извѣстія, крайне встревожившія султана: въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1815 г. была признана независимость Іонической республики, подъ протекторатомъ Англіи, и въ февралѣ 1816 г. возникъ Священный Союзъ.

Послѣднее какъ громомъ поразило Порту: улемы и всѣ образованные турки воспылали гнѣвомъ къ Россіи: ихъ озлобленіе сообщилось янычарамъ. Страшный пожаръ, уничтожившій въ августѣ 1816 г. въ богатѣйшемъ кварталѣ города 1.200 домовъ и болѣе 3.000 лавокъ, былъ дѣломъ ихъ рукъ, также какъ и пожаръ, вспыхнувшій въ ночь съ 1 на 2 октября въ гаремѣ, во время котораго султану едва удалось спасти своего единственнаго четырехлѣтняго сына, а его младшая дочь съ бонной и четырьмя невольницами погибла, задохнувшись отъ дыма.

Таково было положеніе дѣлъ въ Константинополѣ, когда туда прибылъ, въ половинѣ сентября, новый русскій посланникъ, баронъ Строгановъ. На него была возложена трудная миссія: заставить Турцію уступить во всемъ требованіямъ Россіи и обезпечить ей свободу торговли на Черномъ морѣ и безпрепятственное плаваніе ея военныхъ судовъ на Босфорѣ и Дарданеллахъ.

Прусскому посланнику Строгановъ сообщилъ словесно, что ему

желѣно шадить Порту, но не допускать, чтобы въ Константинополѣ утвердилось чье-либо построннее вліяніе.

При первыхъ же дѣловыхъ переговорахъ съ Рейсъ-эффенди, въ декабрѣ 1816 г., Строгановъ сдѣлалъ крупную ошибку, изложивъ ему сразу всѣ свои требованія и жалобы. Ихъ совѣщаніе продолжалось четыре часа и происходило въ присутствіи любимца султана, Галебъ-эффенди. Рейсъ-эффенди, не ожидавшій подобныхъ требованій со стороны Россіи, едва сдерживалъ свой гнѣвъ. Несмотря на то, что помѣщеніе, въ которомъ происходило совѣщаніе, было холодное, у него струился по лбу потъ. Но онъ овладѣлъ собою, просилъ посланника изложить всѣ его требованія письменно и обѣщалъ, что они будутъ разсмотрѣны.

„Россія, говорилъ съ горечью Рейсъ-эффенди, владычествуетъ надъ двумя третями Персіи; три четверти побережья Каспійскаго моря заняты русскими войсками, она скоро подниметъ воинственное населеніе Курдистана и Бухары и вызоветъ тамъ опасное броженіе“.

Порта была крайне встревожена, однако, рассчитывая на поддержку Англіи, она отвѣчала на всѣ требованія Строганова отказомъ. Ему было даже замѣчено, что онъ не имѣлъ права предъявлять относительно Сербіи какихъ-либо требованій, а могъ только дѣлать ей дружескія представленія. Было ясно, что Турція не пойдетъ добровольно на уступки. Также мало была склонна къ уступкамъ и Россія.

Всякій разъ, какъ въ Константинополѣ распространялся слухъ о переговорахъ, происходившихъ съ русскимъ посланникомъ, въ городѣ начиналось волненіе, и глубоко коренившаяся въ душѣ каждаго мусульманина ненависть къ гяурамъ проявлялась пожарами и возстаніями янычаръ. Суровыя мѣры, которыя принимались турецкимъ правительствомъ для подавленія этихъ волненій, еще болѣе разжигали всеобщее неудовольствіе. И въ данномъ случаѣ, переговоры, происходившіе со Строгановымъ, разумѣется, не могли остаться тайною и вызвали сильное волненіе янычаръ, завершившееся 14 августа страшнымъ пожаромъ: сгорѣло 4.500 домовъ, 3.600 лавокъ, двѣ греческія церкви и мечеть.

Чтобы выяснитъ создавшееся положеніе, императоръ Александръ прибѣгнулъ къ необычному шагу—онъ вмѣшался въ дѣло лично. 15 февраля 1819 г. прибылъ въ Константинополь русскій курьеръ съ новыми инструкціями Строганову и съ собственноручнымъ письмомъ отъ государя къ султану, въ которомъ Александръ высказывалъ свое удивленіе по поводу затрудненій, какія встрѣтились при переговорахъ со Строгановымъ, и заявлялъ, что онъ по-прежнему считаетъ постановленія Бухарестскаго договора обязательными для

обѣихъ сторонъ и что если они вызываютъ со стороны турецкаго министерства какія-либо недоумѣнія или превратныя толкованія, то онъ готовъ подвергнуть ихъ пересмотру, для чего барону Строганову даны соотвѣтственныя инструкціи.

Прошло три мѣсяца, пока послѣдовалъ отвѣтъ на это письмо; онъ весьма мало соотвѣтствовалъ ожиданіямъ императора и въ немъ было такъ много скрытой ироніи, что Строгановъ даже сомнѣвался нѣкоторое время, принять ли его.

Послѣ этого во взаимныхъ отношеніяхъ двухъ державъ наступило охлажденіе, которое легко могло повести къ разрыву.

Между тѣмъ въ Россіи узнали о происходившей между австрійскими и турецкими сановниками тайной перепискѣ, благодаря которой Порты не только была всегда своевременно освѣдомлена о ходѣ дѣлъ европейской политики, въ духѣ, соотвѣтствовавшемъ интересамъ Австріи, но могла знать и о планахъ и намѣреніяхъ Россіи. Такъ она узнала о письмѣ Александра раньше, нежели оно было послано, и поэтому оно не произвело на турецкихъ сановниковъ ожидаемаго впечатлѣнія. Александру пришлось убѣдиться въ томъ, что въ Восточной политикѣ Австрія являлась противникомъ, съ которымъ ему приходилось считаться—обстоятельство, имѣвшее для него огромное значеніе и повелѣвавшее ему дѣйствовать осмотрительно.

Строганову повелѣно было сдѣлать все возможное, чтобы возобновить прерванные переговоры. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, Порты ничего не отвѣчала на предложенія Россіи; какъ вдругъ Строгановъ получилъ официальное извѣщеніе, что султанъ назначилъ двухъ комиссаровъ для пересмотра, согласно желанію императора, всѣхъ пунктовъ Бухарестскаго договора.

Первое засѣданіе прошло благополучно, но уже на второмъ обнаружилось разногласіе въ вопросѣ о денежномъ вознагражденіи и о Сербіи. Сразу выяснилось, что турецкое правительство старалось только затянуть дѣло и выиграть время.

„Любопытно было бы выяснить,—говоритъ проф. Шиманъ,—дѣйствительно ли Александръ желалъ заключить прочный миръ съ Портою? Несмотря на всѣ его увѣренія, повѣрить этому трудно. Русскіе государственные люди слишкомъ хорошо знали политику Порты, чтобы ожидать толка отъ переговоровъ съ нею, если онѣ не были бы поддержаны силою оружія. Они хотѣли повести дѣло такъ, чтобы виновницею въ разрывѣ оказалась Порты и чтобы Александръ, не нарушая фикціи своего миролюбія, могъ, съ согласія державъ, выступить во главѣ войска противъ исконнаго врага христіанскаго міра и Россіи.

„Доказать это документально невозможно, но если не принять

этого толкованія, то вся восточная политика Александра I покажется совершенно непонятной. Безкорыстіе въ политикѣ — таковъ былъ принципъ, служившій ему средствомъ для достиженія своихъ цѣлей и выгодъ. Въ этомъ и слѣдуетъ искать ключъ къ его политикѣ въ Польшѣ и на Востокѣ.

Въ началѣ 1821 г. Александръ поставилъ Порту въ такое положеніе, что если бы дѣло дошло до разрыва, то всякій призналъ бы за нимъ право объявить Турціи войну; эта цѣль была почти достигнута, когда необдуманнѣйшій и несвоевременнѣйшій шагъ Александра Ипсиланти лишилъ его плодовъ всѣхъ этихъ стараній. Создавшееся такимъ образомъ новое положеніе вещей и новыя затрудненія, съ какими пришлось бороться русской политикѣ, до того запутали императора Александра въ сѣтяхъ его истинныхъ и фиктивныхъ принциповъ, что онъ вращался цѣлыхъ пять лѣтъ, какъ въ заколдованномъ кругу, ни на іоту не приближаясь къ осуществленію своихъ желаній“.

„Извѣстіе о вторженіи Александра Ипсиланти въ Молдавію и о томъ, что въ его предпріятіи принялъ участіе Михаилъ Суццо, было получено въ Константинополѣ 14 марта 1821 г. Магометанскимъ населеніемъ Константинополя овладѣло неописуемое волненіе—предвѣстникъ грядущихъ ужасовъ; началось возстаніе янычаръ. Въ первый моментъ казалось вѣроятнымъ, что Порта объявитъ Россіи войну. Султанъ, со своей стороны, былъ крайне взволнованъ и повелѣлъ великому визирю потребовать у Строганова объясненій.

Совѣщаніе состоялось 16 марта и было весьма бурное. Великій визирь потребовалъ отъ Строганова, чтобы онъ высказался опредѣленно о поступкѣ князя Суццо и его приверженцевъ и указалъ ему на то, что во главѣ мятежниковъ стояло болѣе русскихъ, нежели грековъ. Строгановъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отрицалъ это и даже призналъ за Портою право употребить всѣ средства для подавленія мятежа. Между прочимъ онъ показалъ великому визирю письмо, адресованное имъ Ипсиланти, въ коемъ онъ рѣшительно осуждалъ его образъ дѣйствій. Возстаніе Ипсиланти было для него совершенной неожиданностью и хотя онъ не зналъ, какъ императоръ отнесется къ совершившемуся факту, но во всякомъ случаѣ онъ былъ увѣренъ, что Государь не сталъ бы осуществлять планы своей восточной политики этимъ путемъ.

Рейсъ-эффенди, казалось, былъ удовлетворенъ объясненіями Строганова, но истинныя свои чувства онъ высказалъ въ бесѣдѣ съ англійскимъ посланникомъ, которому сказалъ: „Они не разъ надували насъ, надуютъ и теперь“.

Турція ожидала возстанія въ Греціи, тревожилась на счетъ Сербіи и, вообще, опасалась возстанія всей райи при тайной, или явной поддержкѣ Россіи.

Все мусульманское населеніе Турціи стало вооружаться, въ то же время начались ежедневные аресты и казни. Персидскіе купцы, армянскіе и иностранные банкиры стали разъѣзжаться изъ Константинополя; торговля замерла.

Удивительно, что при этихъ обстоятельствахъ, Строгановъ рѣшился настаивать на возобновленіи конференціи для пересмотра Бухарестскаго договора, но объ этомъ, конечно, нечего было и думать.

13 апрѣля прибылъ, наконецъ, черезъ Одессу, изъ Лайбаха курьеръ, привезшій новыя инструкціи Строганову и письмо отъ Каподистрія къ Ипсиланти, написанное по порученію императора. Ипсиланти сдѣлалъ большую ошибку, когда, стараясь оправдать свои дѣйствія передъ императоромъ Александромъ, онъ сослался въ своемъ письмѣ къ нему на тайныя общества, въ которыхъ онъ нашелъ поддержку, и на право грековъ самимъ устроить свою судьбу. Это возстановило противъ него императора, который вначалѣ относился къ нему сочувственно. Александръ былъ твердо убѣжденъ въ томъ, что народы должны получать свободу и счастье отъ своихъ правителей, а не завоевывать ихъ революціоннымъ путемъ. Съ тѣмъ же курьеромъ, который привезъ эти письма, главнокомандующимъ 2 арміей, Витгенштейномъ, было получено повелѣніе соблюдать строжайшій нейтралитетъ.

Султанъ былъ весьма недоволенъ отношеніемъ Россіи къ Ипсиланти, который былъ только исключенъ изъ русской службы, но не лишенъ чиновъ, равно какъ и содержаніемъ письма, посланнаго ему отъ имени императора, въ которомъ Александръ обѣщалъ грекамъ свое покровительство. Очевидно, Россія поддерживала втайнѣ повстанцевъ.

При этихъ, чрезвычайно затруднительныхъ обстоятельствахъ, иностранные послы рѣшили обратиться къ Портѣ съ коллективной нотой, редактированіе коей взялъ на себя Строгановъ, но когда приступили къ обсужденію ея текста, то вновь назначенный англійскій посланникъ лордъ Странгфордъ заявилъ, что имъ получено отъ Рейсъ-эффенди письмо такого успокоительнаго свойства, что ихъ коллективный шагъ болѣе не нуженъ. Очевидно, Англія хотѣла поддержать Порту.

Положеніе Строганова становилось съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе затруднительнымъ. Раздраженіе Порты противъ него росло. Впрочемъ, Рейсъ-эффенди жаловался болѣе на русское пра-

вительство, нежели на самого посланника. „Порта, — говорил Рейсъ-эффенди, — не хочетъ войны, но она готова вести ее, и ни въ какомъ случаѣ не потерпитъ посторонняго вмѣшательства въ ея дѣла“. „Если насталь часъ, когда мы должны будемъ покинуть Европу, да будетъ на то воля Господня, но мы исполнимъ прежде свой долгъ“. „Мы не потерпимъ, чтобы баронъ Строгановъ обращался съ нами пренебрежительно и дерзко. Этотъ человекъ ищетъ есоры... пока онъ тутъ, намъ предстоятъ однѣ непріятности. Мы не нуждаемся ни въ чьей помощи, мы съумѣемъ защитить себя сами“. Такъ передавалъ англійскій драгоманъ въ своемъ донесеніи слова турецкихъ сановниковъ.

2 іюня въ Константинополь пришло русское судно, которое, вопреки формальному запрещенію Порты, прошло мимо укрѣпленія Фанараки, при входѣ въ Босфоръ. Султанъ приказалъ сказать Строганову чрезъ русскаго драгомана, что если судно не покинетъ Босфоръ въ теченіе двухъ сутокъ, то его заставятъ удалиться силой. Это ничуть не смутило Строганова, который отвѣчалъ, что онъ переселится съ чинами посольства и со всѣмъ имуществомъ въ свой дворецъ въ Буюкдере, передъ которымъ судно бросило якорь. 5 числа онъ привелъ свою угрозу въ исполненіе. Его поступокъ вызвалъ непріятныя объясненія съ Портой, окончившіяся перерывомъ оффиціальныхъ сношеній. Однако Порта не рѣшилась привести въ исполненіе свои угрозы и ограничилась наблюденіемъ за пакетботомъ. Но прибывшее недѣли двѣ спустя изъ Одессы второе судно, на которомъ ѣхалъ курьеръ къ Строганову, не было пропущено въ Босфоръ, хотя курьеру и было дозволено съѣхать на берегъ. Содержаніе привезенныхъ имъ депешъ осталось тайною, такъ какъ Строгановъ все еще не имѣлъ оффиціальныхъ сношеній съ Портой. Однако прошелъ слухъ, будто онъ въ половинѣ іюля покинетъ Константинополь.

Дѣйствительно, 16 іюля вечеромъ прибыло еще одно русское судно, съ конфиденціальными депешами на имя Строганова, и съ проектомъ ноты, которую онъ долженъ былъ предъявить турецкому правительству и которая походила скорѣе на ультиматумъ; ежели требованія Россіи не были бы исполнены въ недѣльный срокъ, то Строганову разрѣшалось покинуть Константинополь со всѣми чинами посольства. Въ нотѣ, которую онъ долженъ былъ вручить Портѣ, развивалась мысль, что державы терпятъ существованіе Турціи въ Европѣ лишь подъ условіемъ, что подвластные ей народы будутъ пользоваться правомъ свободно исповѣдывать христіанскую вѣру.

Въ краткихъ словахъ, требованія Александра сводились къ тому, чтобы разоренныя и разграбленныя христіанскія церкви были воз-

становлены, чтобы христіанскому вѣроисповѣданію были возвращены прерогативы, коими оно пользовалось ранѣе, и чтобы было обезпечено спокойствіе Молдавіи и Валахіи.

Письма и инструкціи, полученныя Строгановымъ, не оставляли сомнѣнія въ томъ, что Россія рѣшила, въ случаѣ надобности, поддержать свои требованія силою оружія. На ультиматумъ, предъявленный Строгановымъ, отвѣта не послѣдовало, и 10 августа онъ покинулъ Константинополь.

Относительно образа дѣйствій Строганова существуютъ разныя мнѣнія. Несомнѣнно, что онъ дѣйствовалъ недостаточно сдержанно, какъ того требовали интересы Россіи, что онъ не сумѣлъ защитить христіанское духовенство, проживавшее въ Константинополѣ; что въ вопросѣ о занятіи турецкими войсками княжества онъ дѣйствовалъ также вначалѣ недостаточно энергично, а главное не сумѣлъ повести дѣло такъ, чтобы Порта сама начала войну и явилась такимъ образомъ отвѣтственной за нее. Директоръ департамента министерства иностранныхъ дѣлъ, т. е. сов. Дивовъ видѣлъ въ этомъ главную ошибку Строганова. По его мнѣнію, посланникъ долженъ былъ подкупить нѣкоторыхъ членовъ Дивана, чтобы они добились объявленія войны. Съ русской точки зрѣнія это было необходимо, несмотря на всѣ миролюбивыя увѣренія Александра, можно думать, что и для него этотъ исходъ былъ бы самымъ пріятнымъ. Положеніе было бы тогда ясно и опредѣленно, и вѣроятно удалось бы избѣгнуть вмѣшательства державъ. Теперь же, обстоятельства сложились такъ, что войну приходилось объявить самой Россіи и, хотя съ отъѣздомъ Строганова были прерваны всѣ дипломатическія сношенія, но, какъ оказалось, это было нелегко.

Вернувшись изъ Царскаго Села въ Лайбахъ, 5 іюня 1821 г., Александръ нашелъ тамъ такое политическое настроеніе, которое привело его въ большое смущеніе. Въ столицѣ всѣ симпатіи были на сторонѣ грековъ. Въ Лайбахѣ Каподистрія чувствовалъ себя одинокимъ; по возвращеніи же въ Россію онъ встрѣтилъ со всѣхъ сторонъ поддержку; генераль Ермоловъ напр. говорилъ, что войну слѣдовало объявить немедленно. Это боевое настроеніе поддерживалось корреспонденціями, доходившими въ Петербургъ изъ второй арміи. Шаги, сдѣланные Александромъ, подѣйствовали на армію самымъ удручающимъ образомъ.

„Мы, живущіе тутъ, писалъ генераль Киселевъ 12 (24) апрѣля изъ Тульчина, ген.-ад. Закревскому, „знаемъ, что такъ называемое возстаніе грековъ вполнѣ законно. Армія ожидала съ часа на часъ объявленія войны; 29 іюня, Закревскій, который былъ очень близокъ къ придворнымъ сферамъ, былъ увѣренъ, что война будетъ объявлена“.

Императоръ колебался, а въ Петербургѣ всѣ были заняты греческими дѣлами и хотя многіе хотѣли избѣжать войны, но никто не представлялъ себѣ, какъ это можно было бы сдѣлать. „Я стою за войну, писалъ Ермоловъ. „Черезъ нѣсколько дней я ѣду въ Грузію и желаю вамъ побѣды и славы“.

22 августа Закревскій писалъ, что въ Петербургѣ еще не принято окончательнаго рѣшенія: „если война будетъ, то не ранѣе апрѣля, но возможно, что дѣло не дойдетъ до этого, такъ какъ многіе жаждутъ мира“; 19 ноября онъ писалъ, что „дерзость турокъ доходить до того, что если теперь не будетъ объявлено войны, то ее придется вести черезъ годъ, и тогда это будетъ гораздо труднѣе“. Наконецъ, 1 февраля 1822 г. онъ жалуется, что „никому не извѣстно, будетъ война или нѣтъ, Императоръ повидимому склоненъ къ ней болѣе, чѣмъ когда-либо, но она будетъ стоить дорого, а у казны нѣтъ ни гроша денегъ; къ тому же Россію постигъ неурожай“.

Это объясняетъ отчасти колебаніе Императора. Плохое состояніе русскихъ финансовъ, коими управлялъ неспособный Гурьевъ, доведшій Россію чуть не до банкротства, конечно играло въ этомъ вопросѣ видную, хотя все же не главную роль. „Въ отношеніи финансовъ“, какъ мѣтко замѣтилъ однажды прусскій посланникъ Шелеръ, „послѣ Наполеоновскихъ войнъ русское правительство сдѣлалось чрезвычайно легкомысленно“. Къ тому же ему удалось сдѣлать въ октябрѣ мѣсяцѣ заемъ въ 40 мил. рублей. На рѣшенія Императора вліяли и другія, весьма сложныя соображенія личнаго и политическаго характера. Сказалось также вліяніе г-жи Криднеръ, которая, проживъ много лѣтъ въ Курляндіи какъ бы въ ссылкѣ, получила въ 1821 г. позволеніе пріѣхать въ Петербургъ. Еще въ 1818 г., она предсказывала, что Востокъ подымется и что Европѣ будетъ угрожать опасность. Позднѣе она говорила болѣе ясно о большой войнѣ съ Турціей, а теперь пророчествовала, что Александръ будетъ орудіемъ Божьимъ для освобожденія грековъ. Хотя, въ концѣ концовъ, Криднеръ было запрещено говорить о греческомъ вопросѣ, но ея рѣчи несомнѣнно имѣли вліяніе на Александра, который поддался уже въ то время мистицизму. Возможно, что на его рѣшеніе повліяло и полученное имъ въ іюнѣ мѣсяцѣ 1821 г., по возвращеніи изъ Лайбаха, извѣщеніе ген.-ад. Васильчикова о существованіи въ арміи обширнаго заговора, имѣвшаго цѣлью введеніе въ Россіи конституціи. Сознаніе, что подобный заговоръ существуетъ, могло, разумѣется, повліять на рѣшенія Императора: съ одной стороны война, которая могла занять безпокойные элементы, такъ сказать, распылить ихъ, была желательнымъ исходомъ; но съ другой стороны симпатія арміи къ грекамъ заставляли вѣрить въ

справедливость теоріи Меттерниха о единодушіи всѣхъ революціонныхъ элементовъ Европы.

Все это необходимо принять во вниманіе при сужденіи объ образѣ дѣйствій Александра въ разсматриваемомъ фазисѣ Восточнаго вопроса. Но важнѣе всего было, разумѣется, вліяніе общей политики и сознаніе, что онъ не найдетъ союзниковъ въ войнѣ съ Турціей.

Первый шагъ къ тому, чтобы выяснитъ себѣ отношеніе державъ въ этомъ вопросѣ, былъ сдѣланъ Александромъ лѣтомъ 1821 г. 22 іюня (4 іюля) европейскимъ кабинетамъ былъ разосланъ циркуляръ, въ коемъ выражалось желаніе Императора знать, какъ поступятъ державы въ случаѣ, если Порты не вступитъ на путь болѣе разумной политики.

Русское правительство, заявляя о томъ, что его войска не только готовы отразить нападеніе, но будутъ содѣйствовать всякому шагу, который союзныя державы примутъ совмѣстно для предотвращения опасности, угрожающей Европѣ со стороны Турціи, ставило на видъ, что Россія не стремится къ расширенію своихъ границъ или къ утверженію своего вліянія на Балканскомъ полуостровѣ, а только желаетъ возстановленія мира, упроченія европейскаго равновѣсія и обезпеченія, совмѣстно съ другими державами, турецкимъ подданнымъ спокойнаго существованія.

„Анализируя это циркулярное посланіе“, говоритъ Шиманъ, „ясно видимъ двѣ ошибки, сдѣланныя Александромъ, благодаря которымъ его политика въ Восточномъ вопросѣ не увѣнчалась успѣхомъ. Царь ставилъ себя въ зависимость отъ учрежденнаго имъ самимъ европейскаго ареопага и пренебрегалъ интересами Россіи, прикрывая ихъ неискренней политикой безкорыстія. При этомъ онъ отнюдь не думалъ отказываться отъ своей конечной цѣли — изгнанія турокъ изъ Европы, но хотѣлъ, чтобы „Европа“ и созданный имъ „священный союзъ“ раздѣлили съ нимъ отвѣтственность за этотъ шагъ; въ то же время онъ рассчитывалъ на естественное влеченіе христіанскаго населенія Балканскаго полуострова къ Россіи.

Александръ высказалъ свои затаенныя мысли французскому посланнику Лаферонне, приглашенному въ Царское Село нѣсколько дней спустя послѣ того, какъ былъ разосланъ выше упомянутый циркуляръ. Александръ сказалъ ему, между прочимъ, что онъ со времени Ахенскаго конгресса рассчитывалъ на признательность Франціи и намекнулъ на то, что истинные интересы этой державы повелѣвали ей заключить миръ съ Россіей. Намекнувъ на необходимость изгнать турокъ изъ Европы, Александръ замѣтилъ по смущенію французскаго посланника, что онъ зашелъ слишкомъ

далеко; тогда онъ заговорилъ объ образованіи на Балканскомъ полуостровѣ одного или нѣсколькихъ независимыхъ государствъ, Лаферонне передалъ все это въ своемъ донесеніи въ Парижъ и когда тамъ былъ полученъ русскій ультиматумъ, то французское правительство уже было предупреждено объ истинныхъ намѣреніяхъ Царя. Тѣмъ временемъ Александръ убѣдился, что ему придется считаться съ рѣшительнымъ противодѣйствіемъ его планамъ со стороны Австріи и Англии, которыя старались сблизиться, и это заставило его еще упорнѣе добиваться союза съ Франціей.

Франція желала мира и предлагала произвести давленіе на Турцію, и побудить ее пойти на возможные уступки. Въ случаѣ войны между Россіей и Портой, Франція обѣщала соблюдать нейтралитетъ, подъ условіемъ, что въ военныхъ дѣйствіяхъ не приметъ участія никакая иная держава и что Австрія не введетъ своихъ войскъ въ Турцію.

Теперь стало ясно, что отозваніе Строганова изъ Константинополя было ошибкой, Россія осталась безъ представителя въ Турціи и въ то же время вела съ нею переговоры, при посредствѣ представителей Англии и Австріи, двухъ державъ, которыя были противниками Россіи въ восточномъ вопросѣ и, само собою разумѣется, отстаивали не русскіе, а англійскіе и австрійскіе интересы. Такъ какъ прусскій посланникъ, фонъ-Мильтицъ, находился то подъ англійскимъ, то подъ австрійскимъ вліяніемъ, а Франція утратила въ Константинополѣ всякое значеніе, то положеніе Порты въ данное время было самое благоприятное, а положеніе Россіи самое невыгодное. Александръ не понялъ этого, и такъ какъ Порта не только не вывела своихъ войскъ изъ княжествъ, но усилила ихъ, то онъ полагалъ, что союзныя державы будутъ, согласно заявленнымъ имъ принципамъ, дѣйствовать въ греческомъ вопросѣ съ нимъ заодно, ибо возстаніе грековъ было, по его мнѣнію, лишь „однимъ изъ проявленій общаго революціоннаго духа, охватившаго Европу“, съ которымъ державамъ слѣдовало бороться совмѣстно.

— Да, сказалъ онъ 30 ноября прусскому посланнику,—если союзные монархи выскажутся за войну, я начну ее немедленно, не задумываясь“.

Такъ закончился богатый событіями 1821 годъ. До войны дѣло не дошло. Благодаря воздѣйствію Англии и Австріи, которыя всячески старались устранить возможность вооруженнаго столкновенія, султанъ началъ стягивать свои войска изъ княжествъ, но онъ отказался отъ участія въ конференціи, собравшейся въ Вѣнѣ, ссылаясь на то, что имъ исполнены всѣ 4 пункта русскаго ультиматума и что Россія не можетъ предъявлять къ нему дальнѣйшихъ требованій. Такимъ

образомъ Вѣнская конференція не привела ни къ чему. Поступая такъ, султанъ дѣйствовалъ въ увѣренности на поддержку Австріи и Англии и въ томъ, что Россія одна не рѣшится начать войну.

Дѣйствительно, въ намѣреніяхъ Императора Александра совершился за это время большой переворотъ. Послѣ того какъ отъ Австріи было получено согласіе на новый конгрессъ въ Веронѣ, онъ выступилъ съ удивительнымъ предложеніемъ вооруженнаго вмѣшательства въ дѣла Испаніи для восстановленія такого тирана, какимъ былъ король Фердинандъ.

Никогда еще Александръ не былъ такъ твердо увѣренъ въ согласованности дѣйствій всѣхъ революціонеровъ и не былъ такъ склоненъ къ соглашенію съ Турціей. Само собою разумѣется, что при такомъ настроеніи императора Каподистрія не могъ сохранить долге свой постъ. Ему не удалось, во время двухчасовой прощальной аудіенціи, убѣдить Государя въ необходимости для Россіи самостоятельнаго выступленія въ Восточномъ вопросѣ. Александръ остался при своемъ мнѣніи, „пожертвовавъ“, по его собственному выраженію, „національными симпатіями народа священному союзу“.

Въ данный моментъ его интересовало не столько освобожденіе Греціи, сколько восстановленіе власти Фердинанда VII.

Интересно прослѣдить, какъ по мѣрѣ успѣха въ Испаніи, и по мѣрѣ того какъ дѣла приняла тамъ желательное для него теченіе, Александръ измѣнилъ свой образъ дѣйствій относительно Порты, сталъ предъявлять ей болѣе рѣшительныя требованія и поднялъ снова греческій вопросъ.

Въ январѣ мѣсяцѣ 1824 г. Россіей былъ сдѣланъ въ восточномъ вопросѣ рѣшительный шагъ. 9 (21) января, Нессельроде разослалъ державамъ записку, въ которой говорилось, что „Греческій вопросъ можетъ быть рѣшенъ только при коллективномъ участіи державъ, что Россія не настаивала до сихъ поръ на своихъ безспорныхъ правахъ единственно ради сохраненія мира, но что она не можетъ долге относиться равнодушно къ существующему порядку вещей и такъ какъ Турція никогда не признаетъ добровольно независимости Греціи, а греки со своей стороны никогда не захотятъ стать въ прежнія отношенія къ Турціи, то Россія предлагаетъ новую мѣру: она предлагаетъ образовать изъ греческихъ владѣній, по примѣру придунайскихъ княжествъ, три самостоятельныя государства. Если державы присоединятся къ этому плану, то Александръ готовъ настаивать на его исполненіи съ оружіемъ въ рукахъ“. Но англійское и австрійское правительства твердо рѣшили не допускать войны; чѣмъ болѣе они вѣрили въ побѣду Россіи, тѣмъ болѣе боялись разрыва съ Турціей.

Послѣ долгихъ переговоровъ, 5 (17) іюня 1824 г. въ Петербургѣ собралась, для обсужденія новаго предложенія Россіи, конференція изъ представителей четырехъ державъ, но она не привела ни къ чему, такъ какъ никто изъ посланниковъ не имѣлъ должныхъ полномочій для веденія переговоровъ. Было выражено желаніе, чтобы совѣщанія продолжались въ Константинополѣ, когда туда будетъ вновь назначенъ русскій посланникъ.

Вскорѣ послѣ этого, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, временное греческое правительство обратилось къ Англіи съ просьбой защитить Грецію въ ея борьбѣ за независимость и, хотя англійское правительство отклонило эту просьбу, ссылаясь на договоры, заключенные съ Турціей, но все же оно обѣщало соблюдать строгій нейтралитетъ и не принимать участія ни въ какихъ понудительныхъ мѣрахъ, которыя могли бы быть приняты съ цѣлью навязать грекамъ непріемлемыя для нихъ условія. Что касается плановъ Россіи, то англійскій премьеръ заявилъ, что коль скоро турки и греки рѣшительно отвергли ихъ, то онъ не имѣетъ ни малѣйшей надежды на ихъ осуществленіе.

Было ясно, что Англія рѣшительно не сочувствовала идеямъ императора Александра.

„Туманные принципы, провозглашенные впервые Павломъ I и возведенные Александромъ I въ политическую систему, воплотившуюся въ идеѣ священнаго союза, которой великія державы обманывали послѣдніе годы самихъ себя и весь міръ, должны были разсѣяться предъ здравой, ясной и реальной политикой англійскаго кабинета“.

„Тотъ фактъ, что Греція рѣшительно отшатнулась въ ту пору отъ Россіи и возложила всѣ свои надежды на Англію, чрезвычайно знаменателенъ. Императору Александру стало ясно, что со стороны Англіи его планамъ оказывается систематическое противодѣйствіе. Стратфордъ Каннингъ, назначенный посланникомъ въ Россію, пріѣхавъ въ Петербургъ, засталъ Императора подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ страшнаго наводненія, постигшаго столицу; настроеніе Государя было удрученное, и онъ былъ не въ состояніи правильно оцѣнить сдержанную политику, которую Англія противопоставила его восточнымъ планамъ. Такъ какъ Стратфордъ Каннингъ не имѣлъ полномочія для участія въ совѣщаніяхъ конференціи, происходившей въ Петербургѣ, и къ тому же вскорѣ сталъ извѣстенъ отвѣтъ, данный англійскимъ премьеромъ временному греческому правительству, то императоръ рѣшилъ прекратить съ Англіей всякіе дальнѣйшіе переговоры по греческому вопросу.“

Въ этомъ смыслѣ были посланы въ декабрѣ мѣсяцѣ 1824 г.

инструкціи Ливену, нашему посланнику въ Лондонѣ; Нессельроде также повелѣно было уклониться отъ переговоровъ о греческихъ дѣлахъ съ Стратфордомъ Каннингомъ.

„Toutes les fois qu'il me parlera Turquie ou Grèce“, писалъ онъ Ливену „je lui repondrais Amérique¹⁾“. Императоръ понялъ, что Стратфордъ, который долженъ былъ защищать въ Константинополѣ русскіе интересы, обманулъ его; это было совершенно справедливо; въ Вѣнѣ понимали это, и можно только удивляться, что въ Петербургѣ въ этомъ не убѣдились ранѣе.

24 февраля 1825 г. возобновились Петербургскія конференціи. Стратфордъ Каннингъ былъ въ то время еще въ Петербургѣ, но не принималъ участія въ нихъ и повидимому не сдѣлалъ ни шага къ тому, чтобы узнать, хотя бы окольнымъ путемъ, о ходѣ переговоровъ. Всего состоялось десять засѣданій; въ преніяхъ принимали главнымъ образомъ участіе Нессельроде и Лебцельтернъ. Самый малонаблюдательный человѣкъ долженъ былъ признать, что настоящимъ врагомъ русской политики была не столько Англія, сколько Австрія, собственно говоря Меттернихъ, котораго поддерживала Франція, дѣйствовавшая со вступленія на престолъ Карла X болѣе самостоятельно. Роль Пруссіи, во всемъ этомъ фазисѣ восточнаго вопроса, была безцвѣтна.

Когда графъ Лебцельтернъ заявилъ, что онъ предпочелъ бы признать независимость Греціи, Нессельроде отвѣтилъ ему съ раздраженіемъ, что онъ не понимаетъ, какъ могъ представитель Австріи сказать что-либо подобное и какъ могъ кабинетъ, державшійся всегда корректныхъ принциповъ, увлечься хоть на минуту этой мыслию. Такъ какъ Франція высказалась также за полную независимость Греціи, то Россія оказалась изолированной.

Петербургская конференція не привела къ желаемому результату. Посланникамъ четырехъ континентальныхъ державъ, аккредитованныхъ въ Константинополѣ, было повелѣно начать дружескіе переговоры съ Портой и добиться ея согласія на вмѣшательство державъ для прекращенія недоразумѣній на Востокѣ. Болѣе ничего не удалось достигнуть, понятно, что этотъ результатъ раздражалъ Александра I.

Онъ считалъ, что Австрія измѣнила ему и, чтобы выяснить дѣло, еще разъ изложилъ свои требованія въ циркулярной нотѣ, которая была разослана державамъ.

Онъ добивался со стороны державъ признанія необходимости

¹⁾ „Всякій разъ какъ онъ заговоритъ со мною о Турціи или Греціи, я буду отвѣчать ему объ Америкѣ“.

энергичнаго совмѣстнаго вмѣшательства въ турецкія дѣла и принятія противъ Турціи и Греціи принудительныхъ мѣръ.

Когда Меттернихъ рѣшительно, и даже съ оттѣнкомъ ироніи, отклонилъ самую мысль о какихъ-либо принудительныхъ мѣрахъ, то Александръ, полагая, что державы заключили тайное соглашеніе, чтобы парализовать его мѣропріятія, рѣшилъ круто повернуть дѣло.

6 (18) августа его посланникамъ въ Вѣнѣ, Парижѣ и Берлинѣ было послано повелѣніе не вступать болѣе ни въ какіе переговоры о русско-турецкихъ дѣлахъ и дать понять державамъ, что, такъ какъ императоръ не рассчитываетъ долѣе на ихъ поддержку, то и онъ со своей стороны не будетъ поддерживать ихъ въ другихъ вопросахъ.

Этотъ поворотъ русской политики произвелъ на всѣхъ одинакое впечатлѣніе: путь, на которой вступилъ императоръ, по всеобщему убѣжденію, легко могъ повести къ русско-турецкой войнѣ.

Въ это время на политическомъ горизонтѣ возникло новое осложненіе: въ августѣ мѣсяцѣ 1825 г. греческое правительство рѣшило поставить Грецію подъ исключительное покровительство Англіи.

Если бы Греція съ островами перешла подъ владычество Англіи, то этимъ было бы обезпечено преобладаніе этой державы на Средиземномъ морѣ, и въ случаѣ возможнаго раздѣла Турціи, Дарданеллы очутились бы въ ея рукахъ. Это могло быть достигнуто лишь цѣною войны, въ которой Англія была бы совершенно изолирована; ей пришлось бы вести войну не только съ Турціей, но и съ Австріей, Россіей и Франціей. Нельзя сказать, чтобы подобная перспектива испугала англійскаго премьера, но онъ ни на минуту не допустилъ возможности подобной комбинаціи. 13 октября онъ отвѣтилъ греческому народному собранію отказомъ.

Ливенъ зналъ объ этомъ рѣшеніи еще 5 октября, и онъ воспользовался случаемъ, чтобы сблизиться съ Каннингомъ, который, со своей стороны, не уклонился отъ этого сближенія и держалъ себя предупредительно.

Въ письмѣ къ лорду Ливерпулю Каннингъ изложилъ впечатлѣніе, произведенное на него бесѣдою съ Ливеномъ.

— Посылаю вамъ меморандумъ ¹⁾, писалъ онъ, о бесѣдѣ моей съ Ливеномъ, который пріѣхалъ сюда вчера изъ Брайтона (какъ было

¹⁾ „Изъ этого письма, говоритъ проф. Шиманъ, вытекаетъ ясно, что этотъ инцидентъ изложенъ Мартенсомъ въ его *Recueil des traités*, XI, стр. 335 и сл. невѣрно. Не Англія искала сближенія съ Россіей, а Россія заискивала у Англіи“.

условлено). Онъ былъ въ восторгѣ, получивъ позволеніе пріѣхать, и я думаю, что онъ былъ со мною вполне откровененъ.

— Во всякомъ случаѣ, ни одна континентальная держава не дѣлала намъ подобныхъ откровенныхъ признаній. Велика ненависть Россіи къ Австріи, или скорѣе къ Меттерниху, но надобно сознаться, что она имѣетъ къ этому основаніе.

— Мнѣ кажется, настало время что-либо предпринять... Для меня совершенно ясно, что Меттернихъ дѣйствуетъ не честно и что, имѣя дѣло съ нимъ, мы будемъ обмануты.

— Впрочемъ, не онъ одинъ поступаетъ такъ; если бы ему удалось обмануть насъ, это преисполнило бы его гордостью.

На почвѣ общихъ интригъ, между Каннингомъ и Ливеномъ снова произошло сближеніе. Ливень чувствовалъ себя хозяиномъ положенія.

„Положеніе, занятое Вашимъ Величествомъ, возымѣло уже желаемыя послѣдствія“, писалъ онъ въ своемъ донесеніи Государю, „все даетъ право предполагать, что Вашимъ Величествомъ какъ и слѣдовало ожидать, будете имѣть въ этомъ важномъ вопросѣ рѣшающій голосъ“.

Когда это донесеніе было получено въ Таганрогъ, императоръ Александръ былъ при смерти, и его содержаніе осталось на вѣки ему неизвѣстнымъ. Рѣшеніе восточнаго вопроса зависѣло уже не отъ него.

— Какую же цѣль преслѣдовалъ онъ въ своей восточной политикѣ?

— На этотъ вопросъ, по мнѣнію проф. Шимана, можно отвѣтить только гадательно.

— Полагая, что Россія готова къ войнѣ, Александръ былъ согласенъ отстаивать русскіе интересы съ оружіемъ въ рукахъ. Греческій вопросъ онъ надѣялся рѣшить при помощи Англій, но онъ не допускалъ мысли объ образованіи объединеннаго греческаго государства. Когда и какимъ образомъ могъ рѣшиться этотъ вопросъ, имъ не было предрѣшено; объ этомъ нельзя сказать ничего положительнаго. Возможно, что онъ сталъ бы добиваться согласія Австріи, Франціи и Пруссіи на вооруженное вмѣшательство Россіи въ Балканскія дѣла, это весьма вѣроятно, такъ какъ Александръ I шелъ обыкновенно къ разъ намѣченной цѣли весьма упорно. Но смерть положила всему предѣлъ.

„Въ общемъ можно сказать, что восточная политика Александра была непрерывнымъ рядомъ роковыхъ ошибокъ, неудачъ, разочарованій и вольныхъ и невольныхъ противорѣчій, коими онъ вводилъ въ заблужденіе самого себя и весь свѣтъ. Онъ скончался въ тотъ моментъ, когда твердо принятое рѣшеніе и энергичный образъ

дѣйствій могли привести къ осуществленію его желаній. Если бы Россія, занявъ Придунайскія княжества, создала этимъ *un fait accompli*, съ которымъ державамъ пришлось бы считаться, тѣмъ самымъ была бы разрушена сѣть интригъ, въ которой она запуталась.

Въ такомъ случаѣ императору Александру пришлось бы вести войну съ Турціей, въ которой прочія державы явились бы только зрительницами, и событія показали бы, соответствовали ли нравственныя и матеріальныя силы Россіи великой задачѣ, выдвинутой восточнымъ вопросомъ“.

В. Тимошукъ.

